

<https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-1-58-66>

Топология религиозного: текст, память, пространство

Н. З. Гаевская 

Русская христианская гуманитарная академия
Санкт-Петербург, Российская Федерация
lovich2000@mail.ru

Для цитирования:

Гаевская Н. З. Топология религиозного: текст, память, пространство // Визуальная теология. 2022. Т. 4. № 1. С. 58–66. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-1-58-66>

Аннотация. Концептуальное решение вопроса о религиозной топике обращает исследователя к пониманию топоса как «пространственной» единицы культуры, вмещающей духовное содержание, и как формы, стремящейся к трансцендированию себя самой. В святоотеческой письменности мы находим сведения о структуре, форме и содержании библейской топике. Религиозный топос, соединяющий экзистенциальные смыслы двух традиций – ветхозаветной и новозаветной, – находит отражение в коммеморативных мотивах и практиках памятования. Агиографическая топика предстаёт как пространственная модель, в которой топосы имеют аксиологическую ориентацию. Сюжет христианского подвига отличается особыми пространственными характеристиками: это попытка утверждения «освящённого места» – топоса обретения надежды или такого топологического маршрута, который разворачивается в сотериологической перспективе. Для топологии подвижничества характерен начальный этап отсутствия места и имени у героя. Образ подвижника, представленный в тексте жития, приобретает имя, связанное с местом его подвига, и под этим именем сам подвижник становится содержанием топоса. Если святой передвигается в географическом пространстве, его топос реализуется как воплощение мифологемы пути. Столпничество – посредством жития и иконы – обозначает физическую вертикаль, которая репрезентирует собой топос восхождения и духовного преображения временного в вечное. В качестве отдельных репрезентаций, зафиксированных в религиозном дискурсе, образы памяти предстают как свидетельства усилий человечества, направленных к обретению культурной формы. Духовное содержание, наполняющее топос, структурно выражается в соотношении трансцендентного и имманентного. Событие подвига, локализованное в культурном пространстве, открывает новый мир для человека сопричастного, становящегося свидетелем. Обращение к топосу, событию и свидетельствованию – это пути поиска устойчивых экзистенциальных оснований и констант в сфере антропологического знания и ресурса культурной идентичности.

Ключевые слова: культурная топика, религиозный топос, коммеморация, топологический маршрут, христианский подвиг, подвижничество, визуализация.

© Гаевская Н. З., 2022

Topology of the religious: text, memory, space

Nadezhda Z. Gayevskaya 

Russian Christian Academy for the Humanities

St. Petersburg, Russian Federation

lovich2000@mail.ru

For citation:

Gayevskaya N. Z. Topology of the religious: text, memory, space. *Journal of Visual Theology*. 2022. Vol. 4. 1. Pp. 58–66. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2022-4-1-58-66>

Abstract. The conceptual solution of the question of religious topic leads the researcher to understand topos as a “spatial” unit of culture including spiritual content, and as a form striving to transcend itself. In patristic writing we find information about the structure, form and content of the biblical topic. The religious topos that combines the existential meanings of two traditions – the Old Testament and the New Testament – is reflected in the commemorative motives and practices of remembrance. Hagiographic topic appears as a spatial model in which topos has axiological orientation. The plot of the Christian deed is distinguished by special spatial characteristics: it is an attempt to establish a “consecrated place” – the topos of finding hope or such a topological route that unfolds itself in a soteriological perspective. The topology of asceticism is characterized by the initial stage of the absence of a place and a name for the hero. The image of the ascetic presented in the text of the life acquires a name associated with the place of his feat, and under this name the ascetic himself becomes the content of the topos. If a saint moves in geographical space, his topos is exposed as the embodiment of the mythologeme of the path. Stolpnichestvo (stylite’s practice) – through the hagiography and the icon – denotes the physical vertical, which represents the topos of the exaltation and spiritual transformation of the temporal into the eternal. As separate representations fixed in religious discourse, the images of memory appear as an evidence of the efforts of mankind aimed at acquiring a cultural form. The spiritual content that fills the topos is structurally expressed in the ratio of the transcendent and immanent. The event of the deed, localized in the cultural space, opens up a new world for the person involved, becoming a witness. The appeal to the topos, the event and witnessing are ways of searching for stable existential foundations and constants in the field of anthropological knowledge and the resource of cultural identity.

Keywords: cultural topic, religious topos, commemoration, topological route, Christian deed, asceticism, visualization.

Религиозный мир отличается от профанного тем, что его целостность тематизируется и объясняется наличием сверхзначающего – Бога. Тематизация религиозного мира осуществляется через его символы – жертвоприношение, крещение, причастие, которые организуют жизнь верующего в осмысленную череду праздников и будней [Олешкевич 2004, 3]. Анализ религиозного опыта как опыта центрации жизненного мира сегодня стал частью сферы философского познания человеческого бытия.

В истории философской мысли раскрытие трансцендентного осуществлялось в разнообразных тематизациях, пониманиях, трактовках. История осмысления трансцендентного связана с оппозицией «трансцендентное – имманентное». Именно эти философские процедуры позволяют подойти к осмыслению вопроса о возможности религиозной топике. Рациональность, заложенная в топике и топологическом анализе, способствует научному анализу топосов и обращает исследователя к пониманию топоса как топологической единицы культуры. В то же время мы не можем избежать и понимания топоса как вмещающего духовное содержание, как формы, стремящейся к трансцендированию.

Для исследования топологии религиозного явления важно, что смыслы, находящиеся «внутри» образа, целиком погружённые в него представляют собой нечто большее, чем образ, а именно – тайный акт созидания, акт утверждения и отрицания, то есть такой дискурс, который служит опорой для образа и одновременно обрабатывает его и углубляет. В связи с проблемой образов в контексте их типологии преп. Ефрем Сирийский затрагивает вопрос боговидения, говоря, что боговидение доступно для святых в виде прозрения в образах, то есть в энергиях (*gaze*, араб. букв. – таинствах), но не в сущности. Традиция «тайны» (*gaze*) как обозначения антитезы явного в откровении Бога и скрытого в Божественной непознаваемости разработана в трудах Ефрема Сирина. *Raze* – тайна наполняет *typos* (тип, образ) и раскрывается в *typos'e*; так, топос смерти выражается в тайне перерождения в эсхатологическом рае, в тайне воскресения из мёртвых. Для сирийского богослова между трансцендентным Богом и человеком пролегает пропасть, которую может преодолеть только Бог; из любви к своему творению Он перебрасывает мосты к человеческому сознанию. Такими мостами и являются тайны, образы, типы [Фомичева, Старкова 2014, 93]. С тайной связана *антитеза явного и скрытого* как принцип построения типа и топоса. Таким образом, духовное содержание, наполняющее топос, структурно выражается в отношении трансцендентного и имманентного. Событие открывает новый мир для человека сопричастного, становящегося свидетелем. Обращение к топосу, событию и свидетельствованию – это пути поиска устойчивых экзистенциальных оснований и констант в сфере антропологического ресурса.

Философские исследования XX века расширили трактовку топоса и топике. Функциональное пространство топоса определяется как единица текста – как языкового, так и культурного. Топос – общее место не только в сфере мотива, но и в художественном пространстве (от темы и проблематики до образа и идеи), и в культурном пространстве (как место памяти, единица культурной коммеморации). Исследования коллективной памяти показывают наличие типических образов, стремящихся к распространению в новых смысловых пространствах. В культуре, а также в культурологии и социологии топос – это формирующееся, пока не общепринятое понятие. Топосы – хранители культурных смыслов, создаваемых человеком и определяющих его жизнь, её назначение, перспективы и пределы. Религиозная топика имеет содержание, суть которого обретена в тайне общения с Богом. «Человек и есть идея Бога», – писал Н. Бердяев [Бердяев 1994, 14]. Духовная жизнь человека, созданного по образу и подобию Божьему (Быт 1:26–27), находит отражение в духовном содержании топосов, формирующемся в памято-

вании. Здесь актуализируется роль свидетеля и значение свидетельства в формировании топоса.

Память – это безграничное пространство прошлого опыта, знаний, переживаний, а также впечатлений, которые мы получаем посредством внешних органов чувств. Впечатления, информация о внешнем мире попадает в память и остаётся в виде образов или понятий о предметах внешнего мира. Переживания и душевные состояния хранятся в памяти в виде воспоминаний, природа которых соответствует природе памяти. Бытие Бога мыслится также благодаря памяти. Напряжение души осуществляет акт перевода будущего в прошлое; тем самым силы человеческой души конституируют длящееся время. Душа человеческая живёт памятью о жизни вечной. Знание о посмертном хранится в душе и становится содержанием культурного кода. Память определяет содержание топоса, памятование становится топологическим механизмом.

Исследования святоотеческой письменности позволяют говорить о наличии когнитивного потенциала памятования, выражающегося в использовании образов, вызывающих воспоминания, восстанавливающих забытые мыслительные ходы. В святоотеческих трудах экспрессивная коллективная память устной традиции уступает место интроспективной личной памяти письменной культуры [Хаттон 2004, 272]. Память, которую сначала понимают как повторение, в итоге воспринимается как воспоминание. В связи с этим можно утверждать, в частности, что порядок обращения к житийным спискам, повторение которого закреплено традицией годового круга праздников, формирует канон памятования житийных героев, фиксирует последний в культурной памяти и актуализирует религиозное сознание в поминовении подвижников. Таким образом, память использует образы, вызывающие воспоминания, чтобы воскресить не только исчезающие типы и приёмы мышления, но и состояния сознания. Топос становится местом памяти.

Отдельное направление представляет аналитика формы религиозной топики. Топосы также имеют свою пространственную ориентацию, они фиксированы в пространстве. Изначально аналитика формы осуществляется в границах у-топоса – не-места, которое является истоком философского конституирования времени [Файбышенко 2018, 13]. Содержание топоса – идея и образ. Топологический механизм, основанный на памяти, памятовании и процессах запоминания и воспоминания, можно определить как мнемонический. В его основе – принцип фиксации идей в памяти путем связи с двойным антиномичным набором мест и образов, восходящий к мнемоническим практикам Античности. В памятовании используются образы, вызывающие воспоминания, чтобы воскресить угасающие схемы мышления. [Хаттон 2004, 272]. С течением времени представление о памяти сменяется её осмыслением как символической репрезентации прошлого, отражённой как в устной, так и в письменной традиции. Текстуализация коллективной памяти, в частности, с возникновением агиографии углубляет темпоральность сознания представителя письменной культуры, а это, в свою очередь, ведёт к перестройке мнемонических схем, прежде воспринимаемых пространственно, в хронологические линии, на которых исторические события служат мнемоническими местами. Значимые события из истории подвижничества становятся, таким образом, местами памяти, передающими схемам запоминания термино-

логию и культурные ориентиры. Топологическая рефлексия как свойство топологического пространства обеспечивает способность к преобразованию топологической схемы, топологического маршрута, содержания и границ топоса.

В пафосе памятования, актуализирующего потребность подтверждения связи с уходящим миром прошлого, наиболее органично представлено единство формы и содержания. Петербургский исследователь М. С. Егорова задаёт вопрос о том, как совмещается топики и догматическое содержание, какой «характер приобретает чувственный блеск формы в контексте аскетической “учительности”». По мнению исследователя, характер топоса как мнемотехнической «рекреации» объясняется тем, что христианская культура базируется на памяти и памятовании [Егорова 2017]. Историческое исследование данного вопроса говорит о том, что процесс формирования топики находится в самом центре преобразований связи устной культуры с письменностью. И если в этой среде воображение и память, в сущности, заменяют друг друга, поскольку для них в равной мере характерна способность формировать образы, в которых прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны, то религиозный характер христианской устной и письменной культуры способствует формированию образов в памятовании, объединяющих Память и Надежду в устремлении к Вечности.

Сведения о структуре, форме и содержании библейской топики мы находим в святоотеческой литературе. Так, в сказании об Адаме на Голгофе топонимы участвуют в формировании топоса, соединяющего религиозные смыслы двух традиций: ветхозаветной и новозаветной, находящие отражение в коммеморативных мотивах памятования места захоронения Адама и мотивах жертвы Христа. Петербургский исследователь Н. А. Липатов-Чичерин отмечает, что в сочетании со словами апостола Павла о Христе как новом Адаме (Рим 5; 1 Кор 15) этот образ Христа-главы при конкретно-осозательном восприятии выражений должен был вызывать мысли о естественной параллели главе нового Адама. Так топологический метод делает возможным анализ библейской топики на основе современных текстологических исследований. Автор, анализируя источники, отмечает, что апостол Павел рассматривает Христа как второго, нового Адама, повернувшего вспять процесс отчуждения людей от Бога, поскольку для него как грехопадение Адама, так и победа Христа над смертью отразилась не на отдельной личности, а на всей человеческой природе.

Так углубляется содержание библейского топоса. Неопределённость в указании на источники означает, что текст может относиться как к письменной, так и к устной форме распространения предания. Коммеморативные мотивы позволяют прочитать текст Ап. Павла (1 Кор 15:22) как сообщение о том, что Адам был первым, кто получил погребение. В первом известном нам богословском комментарии Оригена на предание о могиле Адама углубляется тема памятования через использование слова об умирании всех людей в Адаме и их оживании во Христе. В группе коммеморативных мотивов особое место занимает мотив памяти. Сказание об Адаме на Голгофе определяется как некий нарратив, который сохраняется в Церкви *неписаной памятью*. В 324 г. Евсевий пишет: «И прежде всего он начал украшать священную пещеру, как некую главу всего. Она была *памятником*, исполненным *вечной памяти*, держа в себе трофеи великого Спасителя над смертью, божественным *памятником*, пред которым излучающий свет ангел некогда

возвещал всем возрождение, явленное Спасителем» [Евсевий 1975, 99]. Так происходит реальный и воображаемый диалог с апокрифической традицией словесности, где представлены фигуры субъективности и темы свидетельства [Грякалов 2019, 68].

Топика христианского подвижничества определена в пространстве. Тема скитаний, странствий – основная тема для безвестного скитающегося подвижника. Топос приобретает линейные пространственные характеристики, реконструирует архетипическую модель пути [ср.: Аванесов 2018, 45–48]. Исследования коллективной памяти, её характера и культурных ресурсов показывают, как однажды созданный типический образ парадоксально стремится к распространению во множестве новых конфигураций [Хаттон 2004, 268]. Однако, если этот образ, в частности – образ подвижника, связывается с мощными ментальными характеристиками, то в итоге он срастается с идеальным типом, типом странника в основе архетипической модели, смысловой доминантой которой становится идея пути. Идеал становится опорой формирования коллективной памяти, идеальное – основным ресурсом. Применительно к теме исследования мы можем говорить об образе подвижника, находящегося в пути как внешнем, так и внутреннем. Феодорит, епископ Кирский, отмечая противоречивость понятий *τεηνικος terminus* места поклонения и места Бога, говорит, что подвижники (филофеи) проводят пустынножизнь, блуждают по пустыне для поклонения Богу не потому, будто они думают, что Бог ограничен местом [Феодорит 2003].

Тема подвига отличается иными пространственными характеристиками: это попытка утверждения «места» – топоса обретения надежды, топологического маршрута, разворачивающегося в сотериологической перспективе. Фиксированные топосы – это места подвигов. Известный исследователь топики Т. Р. Руди выделяет топику пустыни как тематическую подвижническую структуру. «Место пустое, пустынное», «место ужасное», «место неутешное» соответствуют *locus terribilis* – топосу непроходимости, недоступности. В процессе эволюции топос *locus terribilis* сменяется *locus amoenus*, «место подобно, удобно» [Pratsch 2005, 11]. Мотивы обретения земли пустынной интерполированы в топос «нежелания славы от человек». Пустынная земля – «яко рай» [Егорова 2012, 60]. Подвиг как «умертвие миру» способствует формированию топоса «земли пустынной» как места «подобна», места упокоения подвижника. Топос смерти и топос пустынной земли соединяются в святости подвига.

Особым пространственным вектором отличается столпничество – это пронзительное выпрямление вертикали духовного самопревосхождения. Христианская надежда изначально строится по вертикали, когда душа устремляется ввысь, находя опору в Господе. Архимандрит Софроний (Сахаров) отмечает это состояние как «contemplation-union» – актуальное созерцание-соединение в духовном акте любви.

Религиозное понимание пространства восходит к представлениям о вечности как лишённой временных и пространственных координат. Архимандрит Софроний пишет: «Вечность беспространственно включает в себя все просторы мироздания» [Софроний 2001, 130]. Святой в подвиге и молитве обретает опыт внепространственного способа существования, опыт выхода из физического пространства. Топика подвига предполагает выход из пространственности

или переход в духовное, умопостигаемое пространство, смену профанного места на священный топос, указанный самим Богом. Так в творческом осмыслении богословского канона формулируются антропологические вопросы, рождающиеся в глубинах религиозности.

В развитии топологии подвижничества характерен начальный этап отсутствия места и имени у героя. Одна из главных проблем топологии подвижничества – отыменность топоса, понимаемая как наличие или отсутствие у того или иного топоса имени, соответствующего имени образца подражания. И важнейшее здесь – умение именовать, утверждать придание имени, видеть в имени утверждающий смысл. Тут возможна сборка рассыпающегося субъекта в образе и имени – так сохраняется и восстанавливается человек. Происходит именно то, что возможно только *в-месте* – обжитом, названном и понимаемом [Грякалов 2019, 68].

Задача наполнения абстрактных форм уникальным содержанием связана с попытками возродить ощущение гармоничного целостного мира. В то же время в профанном мире стали значимы тенденции структурирования абстракций и культивирования пустоты. Реакция на преодоление абстракций, а значит и преодоление пустоты, реализуется в неклассическом мотиве символического наполнения пустых форм [Файбышенко 2018, 18]: когда исходный принцип «*imitatio*» теряет абстрактность, топос становится отыменным. С именем подвижника отныне связано как определённое место в пространстве, так и определённые смыслы. Имплицитная коммеморация, то есть связь людей с прошлым посредством ритуалов, соотносит память о подвижнике с сакральными местами прошлого – местами совершения подвигов, сотворения чудес, смерти героя [Шуб 2016, 36]. Таким образом, через пространственное сопричастие с прошлым происходит и духовное, эмоциональное взаимодействие с ним.

Так в топике подвига реализуется принцип цельности, когда в каждой частности дана интуиция целого, а в реальности нет ничего внешнего, условного, пустого. В воплощении творящий стремится к совершенству формы. Придание формы не тождественно объективации, оно эсхатологично [Бердяев 1995, 266]. Трансцендирование ориентировано на то, что называется пустыми формами [Мамардашвили 2018, 34]. Для подвигов свойственен уход из места, наполненного славой «от человек», к месту, которое наполняется Славой Божьей. В данном случае слава человеческая в профанном, вне сакрального не несёт духовных смыслов, способных наполнить топос, который так и остаётся «пустым» местом. В свою очередь, «пустой» топос, становясь местом подвига, наполняется духовными смыслами.

Воспоминания увековечены в фиксированных формах, в частности, в текстах, где и происходит их соотнесённость. Так образ подвига, зафиксированный устной традицией на этапе запоминания, соотносится с агиографическим текстом – житием подвижника. Образ подвижника, представленный в тексте жития и иконе, становится содержанием топоса. Мы можем говорить об истории изменений образов, представленных в коммеморативных формах (формах памятования) и являющихся содержанием топоса. В качестве отдельных репрезентаций, зафиксированных в иконографии и религиозном дискурсе, образы памяти предстают как свидетельства усилий к обретению формы.

Библиография

- Аванесов 2018 – *Аванесов С. С.* Путь как авто-био-графия // *Человек.RU*. 2018. № 13. С. 44–65.
- Бердяев 1994 – *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. Москва, 1994.
- Бердяев 1995 – *Бердяев Н. А.* Царство Духа и царство кесаря. Москва, 1995.
- Грякалов 2019 – *Грякалов А. А.* Топос и субъективность. Санкт-Петербург, 2019.
- Евсевий – *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. Москва, 1998.
- Егорова 2012 – *Егорова М. С.* «Пустыня безмолвия» как элемент интертекста в пахомиевской Службе преподобному Кириллу Белозерскому // *Русская агиография*. Санкт-Петербург, 2012. С. 46–81.
- Егорова 2017 – *Егорова М. С.* Топика в агиографии и гимнографии: «живоносная мертвость» и «живые мертвецы» средневековой русской традиции // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2017. № 3 (69). С. 47.
- Мамардашвили 2018 – *Мамардашвили М. К.* Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). Москва, 2018.
- Олешкевич 2004 – *Олешкевич Н. А.* Религиозный опыт как способ экспликации жизненного мира. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. Владивосток, 2004.
- Софроний 2001 – *Софроний (Сахаров)*, архимандрит. Видеть Бога как Он есть. Переславль-Залесский, 2001.
- Старкова 1998 – *Старкова К. Б.* Понятие «тайна» в кумранских текстах // *Православный палестинский сборник*. Вып. 98 (35). Санкт-Петербург, 1998. С. 9–13.
- Файбышенко 2018 – *Файбышенко В. Ю.* Пустая форма и начало истории: трансцендентальная философия рождения у Мераба Мамардашвили // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. II. № 4. С. 13–31.
- Феодорит 2003 – *Феодорит Кирский.* Сокращённое изложение божественных догматов // *Творения блаженного Феодорита, епископа Кирского*. Москва, 2003. С. 9–83.
- Фомичёва 2013 – *Фомичёва С. Н.* «Тайна» у Ефрема Сирина: иудейские параллели // *Материалы V Международной студенческой научно-богословской конференции Санкт-Петербургской православной духовной академии*. Санкт-Петербург, 2013. С. 94–101.
- Хаттон 2004 – *Хаттон П.* История как искусство памяти / Пер. В. Ю. Быстрова. Санкт-Петербург, 2004.
- Шуб 2016 – *Шуб М. Л.* Современные коммеморативные практики: воспитательный и образовательный потенциал // *Челябинский гуманитарий*. 2016. № 3 (36). С. 80–87.
- Pratsch 2005 – *Pratsch Th.* Der hagiographische Topos: griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. Berlin & New York, 2005.

References

- Avanesov 2018 – *Avanesov S. S.* A Path as an Auto-Bio-Graphy. *Chelovek.RU. Almanac of the Humanities*. 2018. 13. P. 44–65. In Russian.
- Berdyaev 1994 – *Berdyaev N. A.* The Philosophy of Freedom. Moscow, 1994. In Russian.
- Berdyaev 1995 – *Berdyaev N. A.* The Realm of Spirit and the Realm of Caesar. Moscow, 1995. In Russian.
- Gryakalov 2019 – *Gryakalov A. A.* Topos and Subjectivity. St. Petersburg, 2019. In Russian.
- Eusebius 1998 – *Eusebius Pamphilus.* Life of Constantine the Great. Transl. into Russian. Moscow, 1998.
- Egorova 2012 – *Egorova M. S.* “The Desert of Silence” as an Intertextual Element in Pachomius Church Service to St. Cyril of Beloozero. *Russian Hagiography*. St. Petersburg, 2012. Pp. 46–81. In Russian.

- Egorova 2017 – Egorova M. S. Topics in Hagiography and Hymnography: “Life-Giving Deadness” and “The Living Dead” of Medieval Russian Tradition. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2017. 3 (69). P. 47. In Russian.
- Mamardashvili 2018 – Mamardashvili M. K. Essay on Physical Metaphysics (Vilnius Lectures on Social Philosophy). Moscow, 2018. In Russian.
- Oleshkevich 2004 – Oleshkevich N. A. Religious Experience as a Way of Explication of the Life World. Abstract of PhD Thesis. Vladivostok, 2004. In Russian.
- Sophrony 2001 – Sophrony (Sakharov), archimandrite. We Shall See Him as He Is. Pereslavl-Zalessky, 2001. In Russian.
- Starkova 1998 – Starkova K. B. The Concept of “Mystery” in the Qumran Texts. *Orthodox Palestinian Collection*. Is. 98 (35). St. Petersburg, 1998. Pp. 9–13. In Russian.
- Faybyshenko 2018 – Faybyshenko V. Yu. Empty Form and the Beginning of History: Transcendental Philosophy of Nascence in Merab Mamardashvili’s Works. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2018. Vol. II. 4. Pp. 13–31. In Russian.
- Theodoret 2003 – Theodoret of Cyrrhus. Compendium of Divine Dogmas. Transl. into Russian. *The Works of Blessed Theodoret, bishop of Cyrrhus*. Moscow, 2003. Pp. 9–83.
- Fomicheva 2013 – Fomicheva S. N. “The Mystery” by Ephrem the Syrian: Jewish Parallels. *Proceedings of the V International Student Scientific and Theological Conference of the St. Petersburg Theological Academy*. St. Petersburg, 2013. Pp. 94–101. In Russian.
- Hutton 2004 – Hutton P. History as an art of memory. Transl. into Russian by V. Yu. Bystrov. St. Petersburg, 2004.
- Shub 2016 – Shub M. L. Modern Commemorative Practices: Educational Potential. *The Chelyabinsk Humanitarian Journal*. 2016. 3 (36). Pp. 80–87. In Russian.
- Pratsch 2005 – Pratsch Th. Der hagiographische Topos: griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. Berlin & New York, 2005.

Информация об авторе

Надежда Зеноновна Гаевская
соискатель кафедры религиоведения
Русская христианская гуманитарная академия
Российская Федерация, 191011, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8422-4121>
e-mail: lovich2000@mail.ru

Information about the author:

Nadezhda Z. Gayevskaya
PhD Applicant, Department of Religious Studies
Russian Christian Academy for the Humanities
15, Fontanka Embankment, St. Petersburg, 191011, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8422-4121>
e-mail: lovich2000@mail.ru

Материал поступил в редакцию / Received 31.05.2022
Принят к публикации / Accepted 21.06.2022